Плисецкая Майя (конкурс)

Уходящее лето тепло попрощалось с музыкально-театральным Санкт-Петербургом — в конце августа на сцене Александринского театра прошел Первый международный балетный конкурс «Майя».

Наука '94

ЖЕМЧУЖИНКИ

Культура. — 1994. — 10 сент. — С. 8

Конкурс был уже тем хорош, что подарил новую встречу с Майей и возможность еще раз объясниться ей в любви. Во всяком случае так восприняли его многочисленные ее друзья и почитатели. Стихия огненная создана не для пьедестала. Майя не была бы Майей, если бы удовольствовалась одними лишь приветственными речами. Ей нужно быть не просто в центре внимания, но в гуще событий, нужно действовать. Делать что-то новое. Вот и на сей раз целых два дебюта — в качестве автора книги и в качестве председателя жюри.

— Майя Михайловна, что для вас самое интересное на конкурсе?

— Второй тур: современные номера и разные, не похожие друг на друга «Кармен». Надо же в конце концов пробить брешь — а то ведь на московском конкурсе до скончания века будет один «Золотой век»!

— Трудно быть председателем жюри?

— Очень. Жалко их отсеивать. И страшно. Страшно решать чью-то судьбу.

Кто прочитал книгу Плисецкой, не усомнится, что это не пустые слова. Вершителей судеб — безжалостных, безапелляционных — она ненавидит. Конечно, сюжеты из ее книги — не чета конкурсному неуспеху, пострашнее будут. Но ведь как знать? Судьба ли, характер — тонкая материя...

На заседании оргкомитета, посвященном утверждению и распределению дополнительных призов, именно Майя Михайловна предложила наградить каждого участника III тура: «А то получится, как в жизни: одному — все, другому — ничего». Нелегкая (ювелирная!) это была работа — каждому придумать формулировку «за что».

Получили действительно все. Вот они — пятнадцать финалистов-призеров «Майи-94»:

Лейла Альпиева, солистка «Молодого балета Алма-Аты», — приз за выразительность танца. У нее словно пропеллер в спине. Эта особенность, помноженная на малый рост, позволяет добиваться потрясающего эффекта — «Полета шмеля» (ее «современный номер» в постановке Б. Аюханова на музыку Римского-Корсакова), причем и в «Кармен», и в вариации из «Тщетной предосторожности» тоже.

Борис Небила, обаятельный семнадцатилетний танцовщик Венской Штаатсопер, получивший титул «самый элегантный танцовщик конкурса». Узнав, что прошел на второй тур, плакал, а когда прошел на третий, впал в эйфорию. Классику предпочитает модерну, что, впрочем, ясно и без его чистосердечного признания: современные номера и те строились на «классический» манер. Репертуар выбрал одноплановый — прыжковые диагонали и ни тебе круга, ни больших пируэтов. Но, судя по исполнению, расчет был точным.

Дарья Соснина, студентка первого курса Пермского училища (педагог Л. Сахарова), самая юная участница, за что и получила приз Министерства культуры России. И рост малый, и темп в «Тщетной» взяла хороший, но не «егозила» — были прочерчены линии, просвечивала грация, хоть еще и «несмелая», ученическая. Была видна школа. Но была видна и школьница, танцующая, словно под недремлющим учительским взглядом.

Бронзовый призер последнего московского состязания, артист Театра Н. Касаткиной и В. Василева **Хасан Усманов**, танцовщик крепкий, с хорошим, сильным прыжком. Жаль, его конкурсный напор не очень в ладах с артистизмом. Фонд Сороса премировал его путевкой на трехнедельную стажировку в школу Марты Грэм, и очень кстати — в современной хореографии он не блеснул, что, впрочем, не его вина, а беда хореографа.

Наталья Балахничева, третий курс Пермского училища. Фирма «Гришко» в качестве поддержки юного дарования наградила ее набором балетной обуви и предоставила право выбрать два сценических костюма. Мягкие, выразительные ноги, большой шаг и необыкновенная, фантастическая даже при столь хрупком телосложении легкость. Но неправдоподобно невесомая ее Жизель все же настоящей Жизелью не стала — чувствовалось сосредоточенное старание танцовщицы поддержать иллюзию своей невесомости. В облике и этого пермского дарования, хоть и менее юного, пока еще тоже проступает ученица.

Виталий Бреусенко, артист Московского театра балета классической хореографии. Ирония судьбы: это он «заманил» на конкурс свою бывшую одноклассницу Елену Филипьеву, а в итоге у нее — золотая медаль, у него — только диплом. Притом, что технически оснащен не хуже. Разве что воля к победе у него чуть менее «стальная», чем у партнерши, а так — они вполне под стать друг другу. И великолепно находят на сцене общий язык, что было отмечено,— фирма «Ньютон» наградила их как «лучший дуэт конкурса».

Екатерина Ковмир, единственная представительница Мариинского театра. Хорошо выученная классическая танцовщица, что она продемонстрировала, например, в вариации феи Сирени из «Спящей». А вот вариация Китри из первого акта «Дон Кихота», к сожалению, не удалась — подвело чувство стиля.

«Чувство стиля» подвело и главного балетмейстера Мариинки Олега Виноградова. За два-три дня до открытия «Майи» он позвонил в театр из Канады и велел передать Ковмир, что та будет уволена, если примет участие в конкурсе. «Последний раз я выходила на сцену в декабре,— говорит Катя.— Олег Михайлович поздравил меня с дебютом — я впервые станцевала фею Сирени, а дальше — тишина. Терять мне нечего...». Для начала она может отправиться на стажировку в школу Грэм, которую и ей также предложил Фонд Сороса.

Ванессу Легасси, танцовщицу Парижской оперы, награждал сам Анатолий Александрович Собчак лично. Приз мэрии Санкт-Петербурга (кстати, очень занятный — гарнитур украшений, выполненных из кости мамонта) предназначался «лучшей исполнительнице партии Кармен». Мэрия не промахнулась: Соло Кармен (хореография П. Дарда) удивительно подошло к этой несколько суховатой, не очень-то женственной танцовщице. Ее Кармен — разбитная девчонка, но знается с колдовскими силами. Не сексуальная, не обольстительная, но что-то есть в ней дикое, первобытное, плотоядное...

Для золотого призера множества конкурсов, в том числе и последнего московского, **Бернара Курто де Бутейе**, только что подписавшего контракт с Парижской оперой (в этих обстоятельствах, по его мнению, победа была бы особенно кстати), «Майя-94» стала битвой при Ватерлоо. (Семья Бернара прослеживает родственные связи с императором). Мы у себя привыкли к конкурсному техническому азарту, но вот довелось наблюдать и особенный конкурсный артистизм, чуть больше работающий на публику, чем нужно, и—чем на образ. Ослепительная белозубая улыбка (Щелкунчик — да и только!) может и не подкупить, если за ней прячется самодовольство. Как выяснилось, так чувствовали и многие члены жюри.

Выяснить же, что они чувствовали, захотелось после того, как Бернар не попал в число лауреатов. Все-таки он, безусловно, очень одаренный танцовщик! И очень музыкальный. Взять, к примеру, им же поставленную «Скотобойню» —

В КОРОНЕ МАЙИ

Культура. — 1994. — 10 сент. — С. 9

какое «отточенное» чувство ритма. Интересным, остроумным был и номер «Камера 333» (хореография Ж. Найи) — трагикомические тюремные грезы Хозе о Кармен. «Но пятую позицию не закрывает»,— сказал один из членов жюри. Позиция позицией, но в позу очень расстроенный, обиженный Бернар, честь ему и хвала, не встал: «Я очень люблю Майю и потому все равно буду танцевать все концерты». Журнал «Балет» «утешил» его своим призом — за исполнение классического наследия.

Эгле Шпокайте, солистка Литовского театра оперы и балета,— третья премия и бронзовая медаль. Тоже была не удовлетворена решением жюри: «Главное-то, оказывается,— тройные туры крутить!». Дело все же не только в турах. Лихим опереточным коварством, которым часто грешат конкурсантки, исполняя черное па-де-де из «Лебединого», такая изысканная танцовщица, конечно, свою Одиллию «наградить» не могла, но не было в ней и настоящего блеска. Как ни странно, не удалось ей и па-де-де из «Жизели» — те же неуверенность, сценическая несвобода, осторожность. Видимо, очень волновалась. Видимо, несмотря на победу на последнем пермском «Арабеске», и нынешний тоже ведь довольно высокий результат, она — не конкурсная балерина.

Зато — Балерина. На втором туре она доказала это блестяще. Гибкое, выразительное, на сей раз целиком послушное ее воле тело. Какая лирическая глубина в малеровском «Дуэте для голоса», какая чувственная и в то же время холодно-капризная, капризно-непредсказуемая Кармен (хореограф Ю. Сморигинас, получивший приз кафедры хореографии Санкт-Петербургской консерватории «за оригинальность хореографической формы»).

Виктор Альварес, танцовщик Немецкой оперы Берлина, — третья премия и бронзовая медаль. Когда первый раз, уже по окончании конкурса, встретила его за кулисами, не узнала — щупленький (хотя и довольно высокий) мальчишка. На сцене же выглядел не мальчиком, но мужем.

Хорошо придумали В. Уральская и В. Казенин наградить его «совместным» призом Российской хореографической ассоциации и Союза композиторов России — «за исполнительскую хореографическую интерпретацию музыки Рахманинова». Хореографическая-то интерпретация (Р. Барр), пожалуй, особенно не изумила, а вот исполнительская... Одиночество — и ожидание. И надежда. И отчаяние. И широко распахнутые молящие глаза... Поначалу обескуражил костюм — обычные, не балетные рубашка и брюки не просто скрывали линии тела, но почти уродовали его, «утяжеляли». А потом осенило — подчеркнуто крупной, «мужской» должна была стать фигура. У зрителей губа не дура: приз своих симпатий, учрежденный газетой «Вечерний клуб», тоже отдали Альваресу.

Анна Поликарпова, танцовщица Гамбургского балета, — вторая премия и серебряная медаль плюс приз «за лучшее исполнение репертуара Майи Плисецкой среди женщин» благотворительного фонда «Дом Дягилева» (Пермь). До того, как уехать в Гамбург в труппу Джона Ноймайера (члена жюри «Майи»), три года танцевала в Мариинском театре, довольно редко, но ведущие партии. Как танцевала, мнения противоположные: от «очень хорошо» до «просто ужасно». Мне ее холодноватая, остраненная — «вещь в себе» — Одетта понравилась. Но еще больше понравились способность угадать свою судьбу и смелость ею распорядиться.

Гастрольные выступления гамбургской труппы на сцене Мариинского театра потрясли ее воображение. И спустя какое-то время она послала Ноймайеру свою кассету. Уже два сезона она в его труппе. Станцованы ведущие партии в ноймайеровских «Щелкунчике» и «Лебедином». В театре—с утра до вечера, что приводит ее едва ли не в больший восторг, чем все остальное. (Между прочим, понравилась она и знаменитому шведу Матсу Эку, тоже члену жюри петербургского конкурса. Ноймайер приглашал его поставить балет для своей труппы — Эк выбрал несколько исполнителей, в том числе и ее).

На конкурсе она выступала с премьером гамбургского театра Иваном Лишкой, чьи мастерство и надежность были отмечены традиционной премией за лучшее партнерство.

Стефан Фаворен, танцовщик Парижской оперы, — вторая премия и серебряная медаль и приз хореографического фонда «Терпсихора» «за вдохновенность танца». Проходил (в зале и за кулисами) под кодовым именем «Ботаник» — почему-то казалось, что вот таким нескладным должен быть студент-«естественник». Но куда девалась его нескладность на сцене! Высокий, воздушный — при очень длинной спине и, мягко говоря, не очень длинных ногах — прыжок, легкость, грация... Бесспорно, «летал» он вдохновенно. Но в ярко выраженной индивидуальности его, пожалуй, не упрекнешь, да и любезной нашему сердцу героики мужского танца маловато будет даже для роли романтического принца.

Елена Филипьева, солистка Киевского театра оперы и балета, — первая премия и золотая медаль. Яркий пример женского героического танца. Па-де-де из «Дон Кихота» «прозвучало» на одном дыхании и на одной улыбке, столь же победоносной, сколь победоносна техническая виртуозность той, что в конце концов и победила. В Киевском театре она работает уже шесть лет, танцует почти все ведущие партии. Осталось освоить только Кармен и... Сильфиду.

Бенжамен Пеш, танцовщик Парижской оперы, — первая премия и золотая медаль. Гран-при, приз «Дома Дягилева» «за лучшее исполнение репертуара Майи Плисецкой среди мужчин» и приз критики. Так же, как и друг его Стефан, не очень «героичен», но более темпераментен, пластичен и на редкость музыкален. Эффектный, психологически тонкий фрагмент балета «Кармен» (хореография П. Дарда) исполнил очень изящно.

Как и Стефан и Ванесса Легасси, Бенжамен Пеш—танцовщик кордебалета. Страшно помыслить, что у них там в кордебалете такие все. У нас бы такого в кордебалет «не загнали», разве что очень бы обиделись — за участие в каком-нибудь конкурсе, например.

Второй тур, безусловно, вышел самым занимательным. Интересно было наблюдать именно бесконечную череду разнообразных «Кармен». Но — злосчастное конкурсное обыкновение—от современной хореографии всегда больше ожидаешь, чем получаешь (особенно от нашей).

За «Полчаса до рождения» (номер Н. Андросова на музыку Шенберга) позанимался спортивной гимнастикой Х. Усманов, бессмысленно топчась на месте, разрывала на себе бесчисленные цепи (откуда — столько?) Кармен — Е. Ковмир (хореография В. Карелина), за двадцать дней до начала конкурса лишившись получившего травму партнера, с которым должна была танцевать «Кармен», оказалась «У закрытой двери» (так назвала она свою вынужденную импровизацию) предоставленная самой себе Н. Балахничева...

Запоминающийся, несколько плакатный образ сумасшедшей, связанной по рукам и ногам, вырывающейся наконец на волю бесшабашной матушки России «нарисовал» в своем номере «О Русь, взмахни крылами» Е. Панфилов. Но крыла эти несут самого хореографа, его идею, роль же исполнительницы (Д. Соснина) здесь более чем прикладная. А это, извините, скорее подходит для конкурса балетмейстеров, нежели танцовщиков.

Премию «за лучшую хореографию современного танца» получил Дж. Ноймайер (благородно перечисливший ее в фонд борьбы со СПИДом). На него вдруг все ополчились, не найдя в представленных творениях (три дуэта в исполнении Поликарповой — Лишки) оригинальности хореографической формы. Этот упрек (сродни упреку беллетристике за то, что не литература) справедлив, если Ноймайера сравнивать с самим Ноймайером или с кем-нибудь ему равным. Но своим «соперникам» на этом конкурсе он — по гамбургскому-то счету — все-таки не проиграл.

Нашим конкурентом (условно говоря, нашим) ему был выставлен Юриус Сморигинас. А если взять и мысленно поменять местами исполнительниц, например, в малеровских, в общем-то сходных по настроению дуэтах этих балетмейстеров? Анна Поликарпова, послушный инструмент хореографа, кажется, совсем не склонная хоть какую-то эмоцию души ли, тела добавить «от себя», танцует «Дуэт для голоса» Сморигинаса, в выразительная, чуткая Эгле Шпокайте «выпевает» своим телом ноймайеровское «Адажиетто»...

...В своей книге Майя Плисецкая много пишет о том противостоянии, что издавна установилось в нашем балете. На конкурсе опять возник этот проклятый мотив. Ни одного конкурсанта из Большого, только одна, и то «запрещенная» конкурсантка из Мариинского...

А Вагановское училище, то есть, простите, академия! Что бы не «запустить» своих питомцев на международный конкурс, который — вот он, «под боком»? Ректор Л. Надиров в высшей степени доброжелательно объяснил, что, во-первых, академия чуть ли не все лето защищала честь России в Японии и вернулась всего за десять дней до открытия «Майи» (когда ж готовиться?), а во-вторых, она ориентирована на свой собственный, Вагановский конкурс.

На последнем конкурсе в Лозанне воспитанница Вагановской академии Д. Вишнева получила высшую награду, а ее подруга С. Гумерова — диплом. У первой современный номер был на музыку «Кармен-сюиты», у второй — на музыку «Анны Карениной». Оба поставил И. Бельский, художественный руководитель академии и член жюри «Майи»(!). Нетрудно догадаться, с каким прицелом ставил Игорь Дмитриевич эти номера. Что касается малого срока на подготовку, то ведь юные танцовщики в Японии сложа руки не сидели — защищали честь России, так что, пожалуй, еще и отдохнуть бы времени хватило...

Л. Надиров радушно принимал в училище дорогих гостей — членов жюри «Майи», их даже по классам провели. Может быть, в каких-то классах и идет ремонт (ремонт послужил причиной отказа ректора предоставить помещение для занятий и репетиций участников), но только в этих его не было и следа. Ну доколе же, а?..

Под конец — еще раз, вернее, два, про любовь. С большой любовью и вкусом была сделана В. Шахмейстером, автором рисунков в книге Плисецкой, выставка ее фотографий и театральных костюмов в Петербургском музее театрального и музыкального искусства и в одном из фойе Александринского театра. В центре фойе возвышалось скульптурное изображение Майи — Гран-при. Скульптору В. Митрошину — сейчас он работает по заказу Майи Михайловны над ее портретом — не хватило золота, чтобы покрыть всю поверхность бронзовой фигуры, и в ход пошли обручальные кольца — его и жены...

◇

— Автор проекта — артистический директор конкурса Владимир Чернин, есть еще генеральный директор Игорь Чукбар, председатель оргкомитета — Анатолий Собчак. Так кто же все-таки готовил этот конкурс, Майя Михайловна? — спросили Плисецкую на первой петербургской пресс-конференции.

— Все вместе готовили. Собчак,— ответила Майя.

Хорошо бы так и дальше.

Н. ШАДРИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА.